Валерий Суховей

Беглец из страны Оз

12+

Валерий Юрьевич Суховей
Беглец из страны Оз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31183577
SelfPub; 2018

Аннотация

Благодаря развитию цифровых технологий люди уже в конце 21 века могли обладать практически любыми вещами, не отравляя при этом экологию Земли. Почему же ученый, благодаря деятельности которого человечество пришло к такому благоденствию, мучается так, что отправляется в прошлое, чтобы помешать работать самому себе?

Содержание

1 5
2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

*«Вчера мы сообщали, что в понедельник, на двести тридцатом километре трассы *** был обнаружен обнаженный труп мужчины средних лет без признаков насильственной смерти. По информации, полученной от источника в местных правоохранительных органах, в ходе расследования установлено, что пострадавшим мог быть известный физик, сотрудник Московского университета Илья Русевич. Однако сегодня выяснилось, что Илья Русевич находится на симпозиуме за границей и уже выходил на связь с руководством университета и своей семьей. Наш канал выражает искреннее извинение за выход в эфир недостоверной информации. Расследование инцидента продолжается».*

Из теленовостей сентября 2016 года

1

Старик спешил. Наверняка его отследили. Последнюю неделю он обычно просто уединялся в молодом бору неподалеку от дома и по часу гулял с хмурым, угрюмым выражением лица. В контакт ни с кем не входил, подозрительных действий не совершал, поэтому ни со стороны правительства, ни со стороны Ученого Собрания к нему претензий предъявить не могли.

А сегодня утром улетел почти за двести километров, оставив в домашнем кабинете записку для жены: «Дорогая Наташа! Тяжко это писать, но полагаю, что мы более не увидимся. Не думай, я не самоубийца. Это просто будет продолжение моего дела (зачеркнуто) обратная сторона дела моей жизни. Береги Катю, она еще так молода. Гришка хоть и болван, но на ногах стоит крепко, я за него спокоен. Не знаю, что писать: за всю жизнь все сказано. Ухожу. Целую. Навсегда твой любящий…» Завершалась записка красивой подписью с завитушками.

Пока он не начал откапывать этот камень, вряд ли что-то могло бы привлечь особое внимание службы безопасности. Камень был довольно большой, желтый с красными прожилками. Какой-то неизвестной породы. Настоящий природный валун, видевший еще ледниковый период.

Болото, когда-то бывшее здесь, давно отступило, и камень уже успел затянуться землей. Сухощавыми руками старик нервно срывал пожелтевший дерн вокруг камня. Травяной слой клоками отставал от лежавшего под ним песчаника.

Затем он стал подкапывать валун с боков. Найденная рядом прочная палка серьезно помогла в этом деле.

Нынешнее лето не было дождливым. А с утра вдруг запарило. Стало душно. Впрочем, старику казалось, что ему всегда не хватало воздуха в мегаполисе, хотя наблюдавшие врачи и не ставили ему дурных диагнозов. Просто он задыхался от постоянного психологического напряжения, неизбежного и неустранимого.

Старик запачкал свой старомодный черный костюм, но не обращал внимания на такие мелочи. В пылу увлеченности он все-таки решил освободиться от пиджака и почти незаметным движением скинул его на траву, где уже валялся летательный ранец. Через некоторое время он уже позабыл о нем, и пиджак исчез с поверхности, словно растворился. Летательный ранец продолжал предательски блестеть.

Дергая и расшатывая камень, старик потел, вены на сухой шее вздувались, но тренированные и цепкие руки наконец сдвинули камень с места. Старик вновь напрягся и перевернул его. Нижняя сторона камня не была влажной – значит, камень именно тот.

Нужен отдых.

Повалившись на траву, старик мысленно порадовался, что

теперь склон холма не такой крутой и высокий, как в годы его детства. Когда в девяностых расширяли дорогу к строящемуся мосту, холм, под которым лежал этот камень, сильно подровняли, сняв высоту почти наполовину. Мальчишкой он насколько мог близко подбирался к стройке, смотрел, как взрывали горную породу и очень боялся, что ей завалят желтый округлый камень, который показал ему когда-то дед Иван. Но дорожники сделали свое дело, а камень так и желтел у подножия холма, в затянутой тиной луже. Парнишка вырос, подался в Москву, бывал часто и за границей, а на родину возвращался только три раза.

Первый – в девяносто третьем, когда после расстрела Верховного Совета и начавшейся свистопляски в стране не выдержало сердце его совсем еще молодой матери, рано разбитое одиночеством и безвременным уходом родителей. Тогда он, только поступив в Московский университет, приезжал на ее похороны. Отца же он и не помнил, потому, оставшись сиротой, переживал тяжелые дни. Но в университете помогли – назначили помощь от государства как отличнику кафедры, на которой он уже со второго курса занимался серьезными научными исследованиями.

Второй раз – уже в начале этого века, случайно, можно сказать – проездом. Выдался крохотный отпуск перед отъездом его, весьма успешного российского ученого с серьезной репутацией, на симпозиум в Дели. Жена – несмотря на его возмущение – так и не вернулась с Катей к началу учеб-

ного года с отдыха на Коста-Брава. А ему что-то вдруг захотелось вспомнить счастливое детство, потянуло на родину. Прыгнул в машину – и примчался. Утомленный интригами «ученого мира», он тогда славно подпитался чистотой и добротой любимых с детства мест перед предстоявшими трудными дебатами. Правда, началось все с небольшого ДТП, но помнится, все обошлось.

Последний раз он приезжал специально к этому камню в тридцатом году, во время «водных бунтов». Но и тогда, долго-долго просидев около него, разглядывая едва видимые на нем буквы, он все же не нашел для себя убедительных доводов сделать то, для чего оказался здесь теперь.

Вспомнились слова, сказанные когда-то его дедом Иваном: «Был бы я гений или герой…» – и про себя подумал: – «Что ж, вот я – признанный гений, а коли удастся то, что делаю, то буду считать себя и героем… Ты бы понял меня, дед…»

Вцепившись в камень, старик принялся толкать его наверх по склону. Камень был тяжелый, время обточило его поверхность, рукам было не за что ухватиться. Кое-где холм оголился до блестящей гранитной породы, и в тех местах ноги беспомощно скользили, не находя опоры на хлипких кустиках травы, не в силах удержать тяжесть человека, помноженную на груз, который он тащил. Чуть не сорвавшись, старик вовремя подхватил камень, но все же сильно отдавил кисть левой руки и в который раз пожалел, что не захватил

с собой прочной веревки. «Сизифов труд», – застучало в голове. – А если все напрасно, и я повелся на наивную детскую мечту?..».

Внезапно послышался шум реактивного ранца. Старик знал, что по дороге ездят теперь редко, хотя само направление оставалось довольно оживленным – до двух-трех летунов за день. Старик распластался, прильнув лицом к согретой солнцем скале. Человек пролетел мимо – знать, старик ему был не нужен. Почему-то всплыло в сознании лицо жены. Теперь она уже встала с постели, сходила в душевую. В какую кожу там облачилась – седьмую или, может, пятую? В пятой визуализация похуже, но зато она к телу приятней. Выйдет – и тут засветится его записка… Как жена это переживет?.. Расплачется, конечно… Э, нет, нет у него права раскисать!

Маленькая передышка – и снова толкание камня! Вверх, вверх, вверх! А склон все-таки высокий. А лет-то уж перевалило за семьдесят! Сердце от волнения и усилий скакало по грудной клетке, как сбесившаяся белка в колесе.

И вот – показался пологий край дороги. Последним усилием старик вытолкал камень, убедился, что он держится наверху, и выполз сам. Рубаха вымокла, брюки порвались. Он предполагал это. Так и случилось, воображение никогда не обманывает. Старик оперся на руки, бессильно свесил гудевшую голову. Ритмичные сердечные удары били в диссонанс с раздольным шумом крон могучих сосен, окружавших этот

отрезок забытой дороги. Со стороны заброшенного еще в конце тридцатых годов водозаборного пункта, дряхлевшего на почти пересохшей старице, ветер гнал над головой невеселые серые облака к не видимому за лесом городу.

– Что вы делаете, профессор?

Старик невольно вскрикнул и обернулся на голос. Плечистый, совсем молодой мужчина, которого уже никак не хотелось назвать парнем, облаченный в защитный костюм-хамелеон, почти сливался с пасмурным сентябрьским небом. На боку у него висел небольшой бластер, за спиной – авиаранец. Все-таки прилетел. Как же он неслышно подобрался? Понятно – профессионал.

– Зачем вы здесь, профессор? – повторил он вопрос, обращаясь к старику.

– Отдыхаю, – все еще тяжело дыша, сказал профессор. – Не ожидал увидеть именно тебя, Грег. Впрочем, конечно, следить за мной проще всего собственному внуку.

– Не следить, а охранять, – Молодцеватый сотрудник спецохраны сверлил старика ироничным взглядом: – А почему профессор Русевич, академик четырех академий, лауреат всех известных премий отдыхает, ворочая камни в провинциальном захолустье?

– Для кого захолустье, я для меня родина! – запальчиво крикнул профессор.

– Да, мы это знаем, – невозмутимо проговорил Грег, де-

монстративно игнорируя возмущение старого профессора. Как же принадлежность к силовой касте сразу позволяет так высокомерно произносить это «мы» даже разговаривая с собственным дедом! Когда же он проморгал своего внука? А разве он им когда-то интересовался? Он всегда был занят наукой. Спасал человечество! Спасал? Разве? Или все же искал славы?

Профессор постарался сказать как можно более спокойным голосом:

– Врачи рекомендовали мне физические упражнения.

Это прозвучало как издевка.

– В вашем доме замечательный спортзал с бассейном.

– Но я не дома…

Грег уже давно не звал деда «дедушкой». Только официально-отчужденно: «профессор Русевич». И не только потому, что дед был важным человеком в государстве и в мире. Родственные пути деда и внука давно разошлись, еще когда дочь Русевича и ее супруг официально стали поддерживать движение «водных бунтарей», отчего она чуть не села за решетку, а муж погиб в столкновениях с полицией. Русевич тогда подключил серьезные связи, и она отделалась ссылкой в Бразилию, из которой, впрочем, вернулась уже давным-давно, пятнадцать лет назад, когда все стихло. Ну, а ее малолетний сын – тоже по протекции Русевича-старшего был отдан в спецучилище, готовящее «слепцов». Попавший туда уже не нуждается ни в родных, ни в близких. Мать так и не встре-

тилась с сыном после возвращения. Жила вдали от мегаполисов, тихо и незаметно, ни о чем не спрашивая. Русевич тоже не ехал к ней – репутация дороже – но через доверенных людей удаленно следил за ее жизнью. Выросший Гриша стал честным служакой, выполняющим свой долг – как его тому научили другие «слепцы». Вряд ли Русевич хотел такого будущего для внука, но альтернативой полицейской службе для него был только уход от беспризорника в бандиты. А тогда – неминуемая скорая гибель.

– Нам сложно охранять вас, если вы не предупреждаете заранее о своих дальних прогулках. У вас же нет маячка, как у обычных людей. Мы доверяем вам, а вы опять так неосторожны… А Соглашение-то подписывали! – назидательно и нудно отчитывал пожилого человека этот уверенный в своей правоте юнец.

Значит, не она ему позвонила. Сами вычислили… Русевич сорвался:

– Зачем меня охранять? Последний раз преступление в здешних краях было одиннадцать лет назад!

– Преступление – да, но от несчастного случая вы не застрахованы даже при наличии полного страхового полиса. А в вашем возрасте, извините, не стоит заниматься с отягощениями: вы так ценны для нас, для всего человечества. Без вас этот мир был бы совсем иной.

«Какая патетика! Намерен притащить меня назад, – подумал профессор. – Что же – он просто выполняет свою рабо-

ту». Рассуждение придало решимости.

К ним неумолимо подтягивались свинцовые тучи. Начинался дождик. Тяжелые капли дождя посыпались на старую дорогу, на начинавшую желтеть траву, на Русевича, на Грега, на желтый камень, потревоженный впервые за многие годы.

– Я ненавижу этот мир, – отрешенно проговорил старик, оглядываясь и вставая. – И то, что он стал таким в том числе из-за меня, только усиливает мою ненависть.

– Плохая речь, профессор. Что вы задумали? – все еще подчеркнуто вежливо, но с заметной настороженностью спросил Грег.

Ничего не отвечая, старик, оглядевшись, подошел к камню, по которому били уже не капли, а струи дождя. Попадая на желтую, отшлифованную временем поверхность, они с шипением, будто возмущаясь, образовывали пелену пара, за которой охраннику почти не стало видно старика. Профессор обхватил камень, собрав последние силы, поднял его над головой и бросил, направляя на торчащий из земли скальный выступ.

Пораженный таким проявлением стариковой силищи, Грег поначалу решил, что спятивший дед будет бросать камень в него. Службист отскочил и выстрелил в падающую глыбу. Бластер щелкнул одновременно с близким грозовым разрядом, и громовой удар заглушил треск от разбившегося камня. Рыжие осколки разлетелись, рассекая дождевые струи. Порывистый ветер внезапно стих, и облако пара, по-

хожее на знойное марево, еще долго висело над дорогой, искривляя очертания колышущихся кустов. И шелестел дождь.

2

Обычно покемоны появляются у каких-то достопримечательностей. А тут – ничего. Ни кафе, ни автостоянки, ни памятника – просто дорога среди перелеска. Но шевелилась же трава на экране!

Сережка слез с велосипеда, на всякий случай припрятал его в придорожных кустиках и заметался возле обрывистой дорожной насыпи, туда-сюда крутя камеру смартфона. Однако никакого волнения травы или какой-то другой индикации не было. Где-то затаились покеболлы? Но волшебного синего колеса на экране тоже не было. Может, какие-то новые правила, которые ему не известны? Он играл в «Покемон го» только второй месяц, да и версия была «кривая», естественно – не русифицированная, так что ожидать можно чего угодно.

«Значит, кто-то уже моего покемона поймал», – в конце концов решил Сережка. Его это не сильно удивило. Судьба научила его смиряться с тем, что он неудачник. Правда, никого поблизости видно не было. «Вот, занесло меня сюда, на кривую дорогу!.. Чего сворачивал на эти колдобины?» Парень психанул, сплюнул и уселся на лысую гранитную глыбу, вылезшую на обочине дороги.

Переключился на Яндекс. Пробежался по новостям. Ми-

нистр культуры встречался с активистами российского военно-исторического общества. Ребята предложили приспособить к делу патриотического воспитания высокие технологии и создать очки виртуальной реальности, которые виртуально смогут отправлять школьников в прошлое, буквально в центр сражения. В комплекте с очками предполагается создать жилет, который бы имитировал ощущения от попадания пуль. «Прикольно», – подумал Сережка.

Парень отвлекся от экрана, потому что на фоне шума сосновых крон услышал звук, похожий на стук падающих капель в начале дождя. Посмотрел на небо – белые пушистые облачка весело бежали по яркому сентябрьскому небосводу, но дождя явно не намечалось. Совсем обидно, если такой чудный погожий выходной будет испорчен. Да и от города он уехал далеко – мокнуть на обратном пути ему совсем не в кайф.

И тут началось нечто непонятное: воздух зашевелился, будто от раскаленной нестерпимым зноем дороги, искажая контуры ветвей. Почему-то стало страшно. Мальчишка вскочил и осторожно двинулся в сторону своего велика. Однако, сделав буквально два шага, он был сбит какой-то невидимой силой, отскочил на пыльную обочину и уткнулся носом в землю.

Ушибся не сильно. Медленно привстав, Сережка ощупал себя, затем поднялся на ноги, отряхнулся и огляделся.

Недалеко, на обочине, лежал, распластав руки, человек.

На вид лет сорока, но уже с седоватой бородкой, в оранжевом, цвета мультяшного Немо, гидрокостюме, правда, без маски и акваланга; на руках были такого же вида перчатки, а вместо ласт – странные не то носки, не то сапожки.

«Как я его сразу не заметил? Машиной что ли сбило?» Да только рядом не видно ни автомобиля, ни хотя бы следов покрышек.

Первый порыв был естественным: надо отсюда бежать. Вот уж чего точно не хотелось в это тихое сентябрьское утро Сереге – так это влезать в какую-то криминальную историю. Да даже если просто мужик спьяну тут рухнул – так не на дороге же, не задавят. А то и остановится кто, подвезет, может.

Но другой внутренний голос толкнул парня подойти к этому бедолаге и тихонько пнуть его ногой. Тот пошевелился, разомкнул веки и после нескольких нескоординированных движений сел, опершись на руки. Устремив затуманенный взгляд на Сережку, незнакомец проговорил:

– Где это я?

– Недалеко от Снигирево.

– Хорошо. А время?

– Ну, где-то полдень.

– Да нет, год какой?

«Здорово его шибануло, – подумал Сергей, – или все-таки пьяный?»

– Год?.. Шестнадцатый год.

– Только шестнадцатый? – разочарованно выдохнул муж-

чина и непонятно зачем спросил: – У тебя зеркало есть?

– На велике, – утвердительно качнул головой Сергей, – а что?

Было видно, что этот оранжевый дядька не мог оправиться то ли от шока, то ли от удара и мотал головой, заставляя очнуться свой вестибулярный аппарат.

– Скажи, сколько мне лет на вид?

– Ну, где-то сорок – пожал плечами Сережа. В свои девятнадцать он плохо ориентировался в возрасте. Все, кому за тридцать, были для него дедами.

– Что-то пошло не так, – совсем расстроился мужчина. – Я полагал, мне будет лет двадцать. Сорок лет – это ведь уже не молодость?

– Да как посмотреть, – осторожно ответил Сережа, отчего-то боясь еще больше огорчить странного «сухопутного дайвера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.